

Добротно выполненное Л.Н. Хаховской исследование камчадалов Магаданской обл. не только проливает свет на историю, культуру и идентификацию малоизученной этнической группы, но и дает новые материалы для возможных теоретических построений относительно формирования и функционирования этническости в смешанных общинах.

Примечания

¹ Хаховская Л.Н. Охотскиеmetisы-камчадалы // Колымские вести. 2002. № 17. С. 25–33; Вахтин Н., Головко Е., Швайцер П. Русские старожилы Сибири. М., 2003.

² Сиринова А.А. Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области // Исследования по прикладной и неотложной этнографии. М., 1998. № 116.

³ Попова У.Г. Материалы по хозяйству и быту камчадалов в даревоэволюционное время: Отчет // Северо-Восточный Комплексный НИИ ДВО РАН. Инв. № 391. Магадан, 1964. 146 л.

⁴ Зензинов В.А. Марковцы и русскоустынцы: этнографические параллели и сравнения. 1913 г. // Этнограф. обозрение. 1914. № 1/2. С. 61–155; *Он же*. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1913; Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1990; Фольклор Русского Устья. Л., 1986; Вахтин Н.Б. “Языковая смерть” в функциональном аспекте: особенности формирования Марковского говора // Тр. факультета этнологии. (СПб.). 2001. Вып. 1. С. 272–291; Пртыкова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири. Л., 1976. См. также: Русское Устье и Походск – старинные русские заполярные села. Библиографический указатель / Сост. А.Г. Чикачев. Якутск, 1996.

⁵ Полевые материалы А.А. Сириной. Магадан, 2002.

⁶ Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 2003.

⁷ Мурашко О. Камчадалы // Северные просторы. 1997. № 1/2. С. 49.

A.A. Сиринова

© ЭО, 2004 г., № 6

Н. В. Лукина. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 348 с.

Книга российского этнографа-угроведа Н.В. Лукиной посвящена новому явлению современной общественной жизни малочисленных народов Севера – становлению гуманистической науки в Ханты-Мансийском (ХМАО) и Ямало-Ненецком (ЯНАО) автономных округах (далее – северная наука). В 1989 г. в этих округах начали действовать общественные организации “Спасение Югры” и “Ямал – потомкам!”, ставившие задачей борьбу за права коренных малочисленных народов Севера, за сохранение и возрождение их языка и культуры. Почти одновременно (1990–1991 гг.) там были организованы научные центры по изучению народов Севера. Уникальность этих центров состояла в том, что их коллективы были сформированы в основном из северян, находились непосредственно на территории проживания изучаемых народов, имели статус окружных учреждений, ставили перед собой не только научные, но и практические задачи. Для большинства научных сотрудников-северян изучаемые языки и культуры являлись родными, многие из этих исследователей выступали и в качестве общественных деятелей (с. 5).

Рецензируемая работа построена на анализе данных, полученных Н.В. Лукиной в беседах с научными сотрудниками, общественными деятелями, представителями власти, студентами по составленной ею анкете. Ответы респондентов анализируются по отдельным тематическим блокам, сопровождаются обстоятельными авторскими комментариями и резюме. В первой главе книги излагается видение проблемы самим автором, во второй анализируются взгляды на эту же проблему представителей малочисленных народов Севера. Самостоятельный интерес представляют полные тексты интервью, приведенные Н.В. Лукиной в приложении. Они позволяют под иным углом зрения рассмотреть анализируемые в книге вопросы и могут слу-

жить ценным источником информации по проблемам, которые автор не рассматривал (например, влияние городской среды на мировоззрение коренных народов).

В первой главе (“Научные центры северных этносов”) излагаются исторические предпосылки формирования у северных народов научных знаний, история создания Научного центра гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО и Научно-исследовательского института обско-угорских народов в ХМАО, характеризуется их кадровый состав, тематика и результаты научной деятельности. Анализируя специфику научного мировоззрения этнографов-северян, Н.В. Лукина обращается к исследованию социальных аспектов их научной деятельности, системы социальных отношений внутри научных коллективов и во внешней среде, типов поведения ученых, их ценностных ориентаций и предпочтений, конкретных форм взаимодействия науки и общества.

Именно последний аспект интересует автора более всего, поэтому особое внимание уделяется общественной значимости северной науки. Н.В. Лукина пишет о том, что северная интеллигенция видит свою основную задачу общественного и социального плана в сохранении и возрождении языков и традиционных культур. Вклад ученых в решение этой задачи заключается, главным образом, в публикации трудов, освещдающих собственную этническую культуру. Ведутся также исследования жизненно важной для северян проблемы включения малочисленных народов Севера в новые социально-экономические и политические условия (с. 22). Итоги научной деятельности северян за десятилетие автор уподобляет “мощному информационному потоку” (с. 39).

В книге справедливо подчеркивается тот факт, что потребность и готовность национальной интеллигенции заниматься научными исследованиями среди собственного народа отражают общие умонастроения в регионе, связанные с ростом этнического самосознания. Не случайно первые научные сотрудники-северяне играли активную роль в деятельности общественно-политических организаций, ставивших целью защиту прав малочисленных народов Севера (с. 13). Однако, как замечает автор, “начинающие научные сотрудники-северяне, переключившиеся на этот вид деятельности фактически без предварительной подготовки, не имели точного представления о специфике своего нового занятия” (с. 24). В связи с этим особого внимания заслуживает личность самого автора книги. Именно ей принадлежала идея заинтересовать северную интеллигенцию изучением традиционной культуры собственных народов, а позже она же помогала готовить специалистов для новых научных учреждений. Деятельность автора связана главным образом с развитием этнографического направления, которое начиналось в создаваемых центрах “практически с нулевой отметки”. (Науке повезло, что в роли учителя оказалась именно Н.В. Лукина, так как не известно, в каком направлении развивалась бы северная наука, окажись на месте Надежды Васильевны менее профессиональный или политически ангажированный человек.) Она – одно из основных действующих лиц происходящих событий и одновременно своего рода сторонний наблюдатель, для которого северяне-ученые – самостоятельный объект исследования. Иногда такая роль создает двойственные ситуации при ее беседах с учениками. Например, говоря о влиянии научного руководителя на научное мировоззрение диссертанта, Т.В. Волдина отвечает: “Научный руководитель у меня – … Надежда Васильевна Лукина. Я думаю, нет смысла подробно рассказывать о Вас для Вас же” (с. 170).

Вторая глава построена на анализе проблемы: личность исследователя и общество. Она начинается с обстоятельного разбора результатов опроса 19 северян, работающих в научных центрах ХМАО и ЯНАО. Почти все они – выходцы из семей оленеводов, рыболовов, охотников. Одним из ключевых моментов интервью с ними было определение мотивации выбора этими людьми научной работы как вида деятельности. Среди ведущих мотивов, имевших у каждого респондента индивидуальную формулировку, автор выделяет: “приоритетность науки, выбор детства, тягу к учению, пробуждение интереса, сохранение этнической культуры, веление жизни, голос личности” (с. 44) и иллюстрирует их выборками из конкретных высказываний. Комментируя результаты ответов по блоку вопросов, касающихся научной тематики, источников и способов получения информации, Н.В. Лукина обращает внимание на то, что более всего исследователей-северян привлекают проблемы преподавания родного языка и духовная культура (мировоззрение, обряды, устное народное творчество, декоративное искусство). Первоисточниками служат их собственные полевые сборы, т.е. информация, полученная от своих сородичей, а также заложенная в их памяти с детства (с. 69).

Специфика научной деятельности северян, обусловленная тем, что они сами в определенной мере относятся к тому традиционному обществу, которое изучают, анализируется и в других разделах книги. Например, в параграфе “Запрет и поддержка традиционного общества” рассмотрен интересный вопрос о влиянии усвоенных в детстве установок и запретов на выбор темы, круг информантов и методы работы научных сотрудников-северян. Автору удалось установить, что среди ограничений, влияющих на выбор темы исследования, у них наиболее четко выступают запреты, связанные с принадлежностью к полу. Разграничение научной тематики по линии мужчины – женщины выражается в запрете на изучение сакральной сферы жизни противоположного пола. Для женщин – это посещение определенных священных мест и ведение разговоров о них, полное знание некоторых обрядов (можно знать лишь элементы), шаманство, чужие боги-духи (например, человек, у которого родовой или личный дух-покровитель относится к небесным сферам, не может заниматься изучением духов Нижнего мира). Непозволительным также считается рассматривать изображения духов и священных предметов как в реальной жизни, так и в книгах (с. 83).

Важной темой исследования автора является проблема преодоления научными сотрудниками-северянами запрета на изучение тех или иных сторон жизни традиционного общества. Полученная информация позволила Н.В. Лукиной сделать вывод о существовании “переходного этапа к каким-то новым взаимоотношениям традиционного общества и науки о нем”. Идет поиск “обходных путей”, неявный сбор запретной информации, которая пока только обдумывается, анализируется “для себя”, но не выливается вовне – на бумагу, в публикации (с. 84). Среди мотивов преодоления этих запретов автор выделяет желание помочь в работе родным, близким и просто “своим” (из своего народа) людям, вступившим на научную стезю, а также осознание практической необходимости изучения народных традиций во имя спасения самого народа и его культуры, поднятия их престижа (с. 85).

При беседе с научными сотрудниками-северянами на тему о мировоззрении в качестве критерия различия традиционного и научного мировоззрения применительно к данному исследованию автор определяет среду, в которой происходит формирование системы взглядов и представлений исследователей. Под традиционным понимается мировоззрение, привитое в семье, в кругу родственников, а под научным – сформированное через систему государственного образования (школа, вуз) и в процессе приобщения к научной работе (с. 87). Н.В. Лукина признает, что в силу ряда причин результаты опроса по этой теме оказались менее продуктивными, чем по другим, но все же они позволили ей сделать важный вывод о признании научными сотрудниками-северянами “гармоничного, бесконфликтного и даже предпочтительного сочетания в них традиционного и научного мировоззрения” (с. 97).

Целью бесед с общественными деятелями и представителями власти, принадлежащими к народам Севера, было выяснение их взглядов на место и роль научных учреждений в решении значимых для коренных народов Севера проблем. Их мнение совпало с высказываниями научных сотрудников-северян и состояло в том, что “создание этих учреждений способствовало привлечению национального потенциала к изучению культурного наследия, более активному пробуждению этнического самосознания, сохранению языка и культуры своих народов” (с. 121). Возможно, картина получилась бы более полной, если бы в число респондентов автор включила и представителей других академических и вузовских научных центров (они упоминаются на с. 9), занимающихся изучением культур северных народов.

В целом можно сказать, что книга Н.В. Лукиной является серьезным вкладом в изучение процесса формирования научной интеллигенции народов Севера. В ней поставлены многие актуальные вопросы и предложены интересные решения. Она содержит богатый конкретный материал, который может служить ценным источником сведений о взаимовлиянии новых идеологий и общественного сознания в изменяющемся обществе. Вместе с тем некоторые проблемы остались за рамками исследования. Остановимся на одной из них – дезинтеграционных тенденциях во взаимоотношениях научного сообщества североведов, основой которых стало противопоставление “своих” собирателей материала “чужим” (автор отмечает это новое явление, но оставляет его без комментариев), северной науки – остальной¹. Следует отметить, что противопоставление “своих” “чужим” характерно для формирующейся научной интеллигенции в самых разных районах земного шара².

Отстаивание независимости созданных в Западной Сибири научных центров и подчеркивание уникальности научных сотрудников-северян как носителей родного языка и культуры эмоционально актуализированы. Эти явления можно расценить как своего рода протестные

действия, призванные компенсировать чувство второсортности, утвердившееся у северных народов в силу известных политических, социальных и исторических причин. Они имеют этнополитическое звучание, способствуют восстановлению чувства достоинства и равенства. Об этом свидетельствуют, например, такие содержащиеся в рецензируемой книге высказывания северян: “По научным работам видно, что наша культура – ценная, она имеет такую же ценность в ряду подобных себе культур. А на бытовом уровне мы всегда сталкивались с пренебрежительным отношением к нам”; “Нужно было доказать, что у малочисленных народов Севера есть своя культура. А то приезжие или в администрации всегда говорят, что это отсталые народы, нецивилизованные, на какой-то стадии. Для нас это очень тяжело и больно, это была как бы наша боль. Из-за этого, наверное, наши писатели пишут на русском языке. Мы, научные сотрудники, в своих работах, на всех мероприятиях стараемся высказать свое мнение о том, что наш народ – это своеобразный народ, и он тоже имеет право на жизнь, на сохранение своей культуры”; “Само время и сами события ориентировали нас на подготовку кадров из представителей малочисленных народов Севера. До сих пор было принято, что люди откуда-то приезжали, и получались как бы лабораторные выводы, оторванные от жизни”; “Мы доказываем и себе, и окружающим, что мы тоже можем заниматься наукой о самих себе”.

Однако в стремлении к самоутверждению важно избежать крайностей. Наука должна иметь общее поле интересов, основываться на сотрудничестве и координации ученых. Подобные же идеи несут в себе потенциал разобщения научного сообщества: “раз я носитель культуры – я знаю лучше” или, наоборот, “местные этнографы не обладают достаточным уровнем научной квалификации”. Важно соблюдать научную и этическую корректность, не вступать на путь эмоционального восприятия.

Есть надежда, что это – болезнь роста, которая будет преодолена в процессе дальнейшего приобщения северян к научным знаниям и отхода от излишней политизированности. Н.В. Лукшина выделяет среди своих респондентов “зачинателей” и “продолжателей”. Для первых приоритетной была общественная деятельность, но постепенно их интересы изменились в пользу научной работы. Вторая категория научных сотрудников пришла уже в сформировавшиеся научные коллективы, и их основной целью с самого начала было занятие наукой (с. 118). Исследование Н.В. Лукшиной показало, что, родившись на политической волне, северная гуманитарная наука становится самостоятельной ценностью.

Примечания

¹ Актуальность этой проблемы была подчеркнута на конференции “Сакральное и традиционное в культуре” (Москва–Республика Алтай, 6–15 июля 2003 г.) в выступлениях З.П. Соколовой «“Нашу культуру мы изучим сами”: проблемы контактов и научной работы с иноэтническими коллегами», Е.Т. Пушкаревой «“Свой среди своих”: проблемы работы этнографов и фольклористов в своей традиционной среде» и В.И. Харитоновой “Исследование сакрального в традиционной культуре: прикосновение к непостижимому или постижение неведомого?”. См.: Рабочие материалы конференции. М., 2003.

² См., например: Tumarkin D. On Indigenous Anthropology in Papua New Guinea // Current Anthropology. 1980. Vol. 21. № 2. P. 251–252.

E.A. Пивнева